

ИСКРЕННОСТЬ

Можно мысленно пройти рядом с Локтевым — Корчагиным по всему спектаклю и попытаться описать роль и ее исполнение. Только зачем? Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать...

Надо видеть этого парня, в характере, душе, судьбе которого причудливо сплелись Есенин, Блок, Светлов — и Революция.

Артист делал эту роль мучительно долго и трудно. Дай бог ему побольше таких мучений!

Этот спектакль «на ура» прошел в Чехословакии. Мы говорили с Алексеем перед отъездом туда. У него было настроение, как перед боем. И этот бой он выиграл! Конечно, не один — с театром, режиссерами, авторами... Но главная нагрузка спектакля — на нем: он не уходит со сцены с первых до последних слов... А потом, после Чехословакии, был Кузбасс.

И было то, что называется триумфом.

Были памятные медали «нашему Павку», значки трудовой славы заводов, почетные депутатские мандаты и студенческие билеты, вечные пропуска на заводы и принятие в почетные члены студенческих строительных отрядов...

И главное, комсомольцы Кузбасса обратились в Центральный Комитет комсомола с ходатайством о присвоении артисту Алексею Васильевичу Локтеву звания лауреата премии Ленинского комсомола. Такое же ходатайство направил и Московский горком ВЛКСМ.

А это уже... Да что говорить! Премией Ленинского комсомола посмертно награжден Николай Островский.

С. ОВЧИННИКОВА.

Фото Е. УМНОВА.

Очень трудно рассказать об актере. Известном, снимающемся в девяти фильмах и сыгравшем десятки ролей в театре. Актере, о котором у каждого сложилось свое впечатление. Нужно увидеть его как личность. Такую же многогранную и интересную, как те, кого он играет...

Сейчас много говорят о том, что такое «современный» актер. Прошла мода на бытовую шепотку, будто бы скрывающий за внешним равнодушием глубину мыслей и страстей. Прошла мода и на «антишепоток» — псевдоромантическую, на зал, истеричность. Вообще прошла мода на какую бы то ни было определенную манеру игры — и сразу стало ясно, кто «калиф на час», а кто актер своего, то есть нашего, времени.

И еще стало ясно, что главный критерий, предъявляемый сегодня актеру, — быть личностью. То есть, как утверждает толковый словарь Ушакова, — «человеческой индивидуальностью»...

Алексей Локтев, актер Московского драматического театра имени Пушкина, незаурядная человеческая индивидуальность. И творческая. Во многом — как результат этого первого.

В нем напрочь отсутствуют поза, карьеризм, тяга к благополучию в любом его проявлении. И у него, если можно так сказать, обнаженное сердце. Есть такая категория людей, смотрящих на мир не глазами, а сердцем. Он из их числа.

И, видимо, поэтому из всего яркого, с перезвоном золотых куполов на васильковом небе, с захватской массовой, с эффектными мизансценами спектакля Бориса Равенских «Дни нашей жизни» больше всего запомнился, самым андреевским и русским был теребящий картузик паренек, как-то отупело-безнадежно повторяющий одну и ту же фразу: «Мне теперь негде столотаться»... Это был крошечный эпизод. И это была трагедия. Получившаяся выше и горше трагедии главных героев...

После этой роли стало ясно, что Локтев может играть Мышкина, а со временем — Мармеладова, Любима Торцова, Кузовкина...

А что? Может быть, и сыграет. У него счастливая судьба, у сына металлурга, бывшего токаря, а потом студента Государственного института театрального искусства имени Луначарского, воспитанника комсомола

— Алексея Локтева. С двенадцати лет он, что называется, «попал в хорошие руки» — Сергея Львовича Штейна, руководителя народного театра ЗИЛА. Из этих рук вышли на «большую» сцену и «широкий» экран многие не просто популярные — прославленные актеры. И когда я буквально два дня назад пыталась «выпытать» у Алеши его «творческие планы» — он беспокойлся больше всего о том, чтобы я не забыла написать о Штейне и поздравила его с днем рождения, и поклонилась ему от Алешинного имени. И чтобы редактор, не дай бог, этих строк не выкинул... Это тоже — типичное локтевское. Не говорить о себе. И уметь быть другим. Не подводить. Никогда. Никого. Пусть жертвует самым дорогим для себя. Так совсем недавно он потерял роль из категории тех, которые сняты актерам по ночам. Потому что не мог уехать с гастролем на съемки, подвести товарищей, потому что нельзя без ущерба для спектаклей ввести других на его роли. Очень много этих ролей. И играет их артист Локтев так, как будто для него они написаны.

Хотя, по здравому рассуждению, вряд ли шолоховский Тимошка Рванный хоть чем-то похож на Локтева. А вот сыграл его Алексей разухабисто, лихо, остервенело — и иначе высветилась Лушкина любовь, и еще горше и грознее стала борьба Давыдова и Нагульнова, потому что не ходульный, а яростно живой был перед ними враг.

Эпизод? Но он дал право говорить о Локтеве, как об актере, которому доступны и острохарактерные роли.

Трагедия, характерность... Казалось бы, противоположные грани, противоположные «амплуа». И говорят они о разносторонности дарования Локтева. Но не это в его индивидуальности главное.

Локтев — актер, умеющий играть своих современников, роли социального плана. А это, ох, как редко и трудно на театре в наш недоверчивый век. Здесь душа, мысли, чувства самого артиста проступают сквозь авторский текст, как замалеванная фреска под ультрафиолетовыми лучами.

И только яростное сердце артиста Локтева, только его неподдельная человеческая искренность, вложенные в Азиза («Дуэль»), Витальку Пастухова («Разорванный рубль»), Микеле

Фоскини («Романьола»), заставляют зал верить словам, мыслям, чувствам, идеалам, которые проповедуют герои Локтева.

Эта же абсолютная искренность была причиной того, что именно Локтева выбирали режиссеры на главные роли в такие фильмы, как «Прощайте, голуби», «Я шагаю по Москве», «Наш дом», «Туннель»...

Наконец, «Первый снег». Фильм, не слишком удачный. Но это была попытка рассказать о Когане и Кульчицком, Смоленском и Севе Багрицком, Отраде и Майорове — о людях, «кто ушли, не долюбив, не докурив последней папиросы»...

Алексей Локтев имел в первую очередь моральное право сниматься в этом фильме в главной роли. Играть одержимость творчеством, подвиг, как само собой разумеющийся жизненный шаг, преклонение перед памятью расстрелянных мальчишеских строчек. И то, что он день снимался раздетым, на снегу, не требуя ни дублера, ни монтажа чьих-то босых ног с его смотрящими в бессмертие глазами, было естественно. И для роли. И для актера, игравшего ее.

И когда сегодня пришло время говорить о том, как удивительно сыграл Локтев Павку Корчагина в спектакле Б. Равенских «Драматическая песня», не только свою лучшую роль, но и одну из лучших ролей все-

го прошедшего театрального сезона, — мне хочется сделать это после разговора о «Первом снеге». Потому что это звенья одной цепи...

Актер сыграл Корчагина. Ну что ж — во многих театрах страны идет спектакль, сделанный по книге Николая Островского, многие молодые актеры играют здесь с успехом главную роль. А событием — стал Локтев. И это — чудо искусства. Потому что у каждого из нас есть свой Корчагин, знакомый с детства, изученный в каждой строчке, уверенно занявший свой уголок памяти. И, идя на спектакль, я, видимо, как и многие другие, думала: узнавать и так известное — зачем?

А артист Локтев заставил плакать и смеяться, он врезал в память самые святые, самые главные слова... Он, казалось, разорвал свое сердце на сцене, песни, строчки — и в ответ получил в свои ладони трепещущие сердца зрителей...

Это не красивые слова, честное слово.

Просто на каждом спектакле свершается актерский подвиг. Такой же, как совершает артист Шаповалов в спектакле «А зори здесь тихие...» в Театре на Таганке, Ольга Яковлева — в Джульетте в Театре на Малой Бронной... Когда актер выкладывается до самой последней капельки сил... И это, наверное, и есть «современная манера игры»...

